

УДК 343.1
ББК 67.410

И.В. Смолькова,
доктор юридических наук, профессор
Байкальский государственный университет экономики и права

ПСЕВДОНИМ СВИДЕТЕЛЯ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ (с учетом практики Европейского Суда по правам человека)

В статье рассматриваются проблемные вопросы использования такой меры защиты свидетеля, как присвоение ему псевдонима. На основании обобщения решений Европейского Суда по правам человека анализируются условия и порядок использования псевдонимов в судебной практике, условия допроса анонимных свидетелей, гарантии прав подсудимого при показании против него анонимных свидетелей, дается характеристика норм УПК РФ, регламентирующих использование псевдонима для обеспечения безопасности свидетеля.

Ключевые слова: меры безопасности свидетеля; защита свидетеля; свидетель; конфиденциальность сведений о свидетеле; анонимный свидетель; допрос анонимного свидетеля; образец подписи; псевдоним; приговор.

I.V. Smolkova,
Doctor of Law, Professor
Baikal National University of Economics and Law

TESTIMONY UNDER PSEUDONYM IN CRIMINAL COURT PROCEDURE (using the experience of the European Court of Human Rights)

The paper is devoted to the issues of testimony under pseudonym as a measure of witness protection. The author summarizes the decisions of the European Court of Human Rights to analyze the conditions and procedure of using pseudonyms in court practice; conditions of interrogating anonymous witnesses; guarantees of the rights of the accused when anonymous witnesses testify against them. The author also characterizes the norms of the Criminal Process Code of the Russian Federation that regulate the use of pseudonyms to ensure witness safety.

Key words: witness safety measures; witness protection; witness; confidentiality of information about the witness; anonymous witness; interrogation of an anonymous witness; signature sample; pseudonym; judgment.

Радикальные изменения экономических и социально-политических условий жизни современного российского общества привели, в том числе, и к росту преступности. Криминальные группировки совершают преступления, отличающиеся особой жестокостью и цинизмом, нередко действуют открыто и нагло, так как уверены в своей безнаказанности. Вместе с тем привлечение их к уголовной ответственности часто затруднено оказываемым на потерпевших, свидетелей и других участников уголовного судопроизводства, а также членов их семей давлением, связанным с запугиванием и последующим отказом от дачи показаний или их изменений. К этим лицам все чаще применяют изошренные приемы физического и психического принуждения, в целях устрашения используются чрезвычайно опасные методы (убийства, пытки, взрывы и поджоги жилых и служебных помещений, автомашин и т. д.).

Результатом применения противоправ-

ного воздействия на свидетелей стали многочисленные случаи отказа и уклонения свидетелей от участия в уголовном судопроизводстве. Одной из самых распространенных причин отказа свидетеля от выполнения процессуальных обязанностей является обоснованное опасение за свою жизнь, собственность, жизнь и здоровье его близких вследствие угроз применения насилия и других противоправных действий со стороны преступников. В условиях эскалации преступности вопрос о мотивации свидетельствования является решающим.

Иногда преступные посягательства на свидетелей совершаются по мотивам мести, и хотя они уже не могут оказать влияния на решение по уголовному делу, однако общественная опасность этих действий не снижается, поскольку они держат в страхе как свидетелей по данному делу, так и тех, кто в будущем может стать ими. Эксперты международного сообщества в этой связи выделяют

так называемое «назидательное (устрашающее)» насилие, когда «какой-либо свидетель или его родственник могут быть убиты для того, чтобы показать будущим возможным свидетелям, с какими последствиями им придется столкнуться в случае предоставления доказательств» [1, с. 81].

По мнению Л.В. Брусницына, прогноз развития посткриминального воздействия на потерпевших и свидетелей крайне неблагоприятен: противодействие преступников расследованию преступлений будет применяться все чаще, а методы воздействия будут отличаться все большей жестокостью [2, с. 5].

По данным некоторых исследователей, в России свидетелями преступлений ежегодно являются около 10 млн человек, из них 25% в ходе процесса меняют показания, в личной охране в настоящее время нуждаются около 5 тыс. важных свидетелей-очевидцев, а примерно трети из них необходимо менять не только место жительства, но и внешний облик [11, с. 42].

Страх перед преступным миром, отказ свидетелей от выполнения своего гражданского долга и процессуальных обязанностей заставили говорить о себе не только специалистов в области уголовного, уголовно-процессуального права, криминологии и криминалистики на национальном уровне, но и международное сообщество. Данная проблема вышла на уровень международного сотрудничества.

В настоящее время проблема эффективных средств защиты лиц, содействующих правосудию, разрабатывается во многих международных документах.

Особое место в системе этих документов занимает Декларация основных принципов правосудия для жертв преступления и злоупотребления властью (принята Генеральной Ассамблеей ООН Резолюцией 40/34 от 29 ноября 1985 г.; далее – Декларация) [9, с. 165–167].

Одной из причин принятия Декларации послужила приобретающая все большую остроту проблема эффективного правового обеспечения безопасности потерпевших, свидетелей и иных лиц, содействующих правосудию, и членов их семей.

В Декларации даны рекомендации государствам, ее подписавшим, о принятии «мер для сведения к минимуму неудобств для жертв, охраны их личной жизни в тех случаях, когда это необходимо, и обеспечения их безопаснос-

ти, а также безопасности их семей и свидетелей с их стороны и их защиты от запугивания и мести» (подп. «д» п. 5 Приложения).

15 ноября 2000 г. была принята Конвенция ООН против транснациональной организованной преступности, предписывающая каждому государству-участнику принимать «в пределах своих возможностей, надлежащие меры, направленные на обеспечение эффективной защиты от вероятной мести или запугивания в отношении участвующих в уголовном судопроизводстве свидетелей, которые дают показания в связи с преступлениями, охватываемыми настоящей Конвенцией, и в надлежащих случаях в отношении их родственников и других близких им лиц», которые могут включать принятие положений, разрешающих, в соответствующих случаях, не разглашать информацию, касающуюся личности и местонахождения таких лиц, или устанавливающих ограничения на разглашение данной информации (ст. 24) [14].

В России 20 августа 2004 г. был принят Федеральный закон №119-ФЗ «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства», установивший ряд мер безопасности, которые могут применяться в отношении потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства, в том числе и обеспечение конфиденциальности сведений о защищаемом лице (ст. 9) [13].

Совершенно очевидно, что включение индивида в уголовное судопроизводство не должно влечь снижение его безопасности. Государство, возлагая на него исполнение уголовно-процессуальных обязанностей, сопряженных с возникновением для него опасности, в свою очередь, обязано усилить правовые средства обеспечения его безопасности. Если же государство не в состоянии это сделать, то отказ человека от участия в уголовном судопроизводстве (например, в качестве свидетеля), представляется правомерным. В этом случае требование государства к индивиду выполнять уголовно-процессуальные обязанности (давать показания) становится неправомерным и безнравственным. По этой причине Г.П. Минеева совершенно обоснованно предлагает исключить уголовную ответственность свидетелей и потерпевших за отказ от дачи показаний или уклонение от дачи показаний, если эти деяния совершены после сообщения органам власти о фактах противоправного на них воздействия, а правоохранные органы

ганы не предприняли мер по их защите [10, с. 17]. Данная позиция основана на принципиальном признании приоритета прав и свобод человека и соответствует концептуальному положению о взаимной ответственности государства и гражданина в демократическом правовом государстве.

Учитывая, что государство заставляет под угрозой применения уголовной ответственности свидетеля и потерпевшего давать показания, В. Зникин вполне обоснованно предлагает ввести в УПК РФ норму, в соответствии с которой «при наличии предполагаемой угрозы для безопасности конкретного человека и близких ему людей в связи с предстоящим получением его показаний на предварительном расследовании или в судебном разбирательстве, если правоохранительный орган не может гарантировать необходимую безопасность указанным лицам, свидетель либо потерпевший вправе не давать показания по уголовному делу» [6, с. 81].

С точки зрения А.В. Тисена, реализация данного предложения приведет к неизбежным злоупотреблениям со стороны потенциальных свидетелей, поскольку нежелание помогать правоохранительным органам свидетель всегда может оправдывать наличием предполагаемой угрозы. Задавая вопрос: «Возможно ли на практике предоставить стопроцентную защиту свидетелю?», Тисен отвечает на него так: «Даже в государствах с высоким уровнем жизни и значительными расходами на правоприменительные органы не удастся предотвратить оказания давления на свидетелей и потерпевших путем применения к ним физического и психического насилия» [16, с. 56]. Думается, что именно на этом основании и следует предоставить свидетелю право определять самому, давать показания или нет, насколько реальны гарантии безопасности, даваемые правоохранительными органами. Остается совершенно непонятным, почему свидетель должен претерпевать весьма серьезные переживания и страх только из-за того, что ему стали известны какие-либо обстоятельства, подлежащие установлению по данному делу?

УПК РФ ввел принципиально новую, для нашего уголовно-процессуального законодательства, норму, в соответствии с которой для защиты лиц, содействующих правосудию, возможно использовать псевдонимы. Так, согласно ч. 9 ст. 166 УПК РФ при необходимости обеспечить безопасность потерпевше-

го, его представителя, свидетеля, их близких родственников и близких лиц следователь вправе в протоколе следственного действия, в котором участвует потерпевший, его представитель или свидетель, не приводить данные об их личности. В этом случае следователь с согласия руководителя следственного органа выносит постановление, в котором излагаются причины принятия решения о сохранении в тайне этих данных, указывается псевдоним* участника следственного действия и приводится образец его подписи, который будет использоваться в протоколах следственных действий, произведенных с его участием. Постановление помещается в конверт, который после этого опечатывается и приобщается к уголовному делу.

В случаях, не терпящих отлагательства, указанное следственное действие может быть произведено на основании постановления следователя о сохранении в тайне данных о личности участника следственного действия без получения согласия руководителя следственного органа. В данном случае постановление следователя передается руководителю следственного органа для проверки его законности и обоснованности незамедлительно при появлении для этого реальной возможности.

Засекречивание данных о личности свидетеля имеет важное практическое значение по нескольким аспектам. Во-первых, свидетель получает возможность безопасного участия в производстве по уголовному делу; во-вторых, повышается его активность в уголовном судопроизводстве; в-третьих, снижается число неявок и изменений показаний со стороны свидетелей.

Если органы предварительного расследования предлагают свидетелю засекретить данные о его личности, то они в обязательном порядке должны поставить это лицо в известность о том, что:

- 1) все подлинные сведения о личности свидетеля (потерпевшего) будут храниться в запечатанном конверте, приобщенном к материалам уголовного дела;
- 2) этот конверт не будет предъявлен для ознакомления обвиняемому и его защитнику по окончании предварительного расследования;
- 3) если в судебном разбирательстве будет заявлено обоснованное ходатайство о раскры-

* В переводе с греческого слово «псевдоним» означает «носящий вымышленное имя» [15, с. 500].

тии подлинных данных о лице, дающем показания, в связи с необходимостью осуществления защиты подсудимого, установления существенных для разрешения дела обстоятельств, то суд вправе предоставить сторонам возможность ознакомиться с соответствующими сведениями.

В УПК РФ не указаны особенности присвоения псевдонима. Эти особенности прописаны в УПК некоторых государств. В Болгарии, например, в качестве псевдонима используются идентификационные номера [18, с. 100], в Эстонии – условные номера, в Нидерландах – буквы алфавита. По мнению Л.В. Бруницына, в российском уголовном судопроизводстве предпочтительнее использовать буквы алфавита (например, «свидетель А»), поскольку использование в качестве псевдонима вымышленного имени опасно повторением настоящих персоналий другого гражданина, пусть даже и маловероятным, а употребление идентификационных номеров может вызвать затруднения в их запоминании участниками уголовного судопроизводства [3, с. 24].

В тех случаях, когда на свидетеля противоправное воздействие оказывается во время судебного производства по уголовному делу, то согласно ч. 5 ст. 278 УПК РФ суд вправе провести его допрос без оглашения подлинных данных о личности свидетеля в условиях, исключающих визуальное наблюдение свидетеля другими участниками судебного разбирательства, о чем суд выносит определение или постановление. В этом случае суд должен исключить из материалов дела подлинные данные о свидетеле, присвоить ему псевдоним, получить образец его подписи и допрашивать его согласно положениям ч. 5 ст. 278 УПК РФ.

В случае заявления сторонами обоснованного ходатайства о раскрытии подлинных сведений о лице, дающем показания, в связи с необходимостью осуществления защиты подсудимого либо установления каких-либо существенных для рассмотрения уголовного дела обстоятельств суд вправе предоставить сторонам возможность ознакомления с указанными сведениями (ч. 6 ст. 278).

Несомненно, институт так называемого «анонимного»* свидетеля представляет собой отход от принципов непосредственности и состязательности процесса. Соккрытие данных

о личности свидетеля можно даже рассматривать как меру, нарушающую право обвиняемого на защиту. Независимо от этого, однако, в ряде случаев, связанных с расследованием преступлений, совершенных субъектами организованной преступности, и когда для безопасности свидетеля существует реальная угроза, право на защиту обвиняемого должно отступить перед правом на защиту свидетеля.

В юридической литературе вопрос, связанный с возможностью свидетеля участвовать в производстве по уголовному делу под псевдонимом, получил неоднозначную оценку. Многие юристы выступали против этого еще во время обсуждения законопроектов, предлагавших данную меру безопасности.

Так, например, В.Н. Кудрявцев дачу показаний под псевдонимом сравнивал с судом инквизиции, где свидетели появлялись в масках [7].

А. Рогаткин и И. Петрухин указывали на то, что «допущение показаний анонимов (а чаще всего это платные осведомители) приведет к тому, что мутная волна лжи и доносов захлестнет наше правосудие» [12, с. 42].

А. М. Ларин считал, что эти нововведения откроют «широкий простор для использования подставных свидетелей и других фальсификаций» [8, с. 10; 17, с. 44].

Представляется, что данные высказывания объясняются тем, что уважаемые авторы в то время не могли представить развитие событий в плане эскалации насилия и преступности.

Возникает вопрос, не находится ли обсуждаемая мера в противоречии с международными нормами и принципами и, прежде всего, с Всеобщей декларацией прав человека, ст. 10 и 11 которой предусматривают право каждого человека, обвиняемого в совершении преступления, на то, чтобы «его дело было рассмотрено гласно и с соблюдением всех требований справедливости независимым и беспристрастным судом... при котором ему обеспечиваются все возможности для защиты» [9, с. 40–41], и с Международным пактом о гражданских и политических правах (далее – Международный пакт), п. «е» ч. 2 ст. 14 которой предоставляет право каждому подсудимому «допрашивать показывающих против него свидетелей или иметь право на то, чтобы эти свидетели были допрошены, и иметь право на вызов и допрос его свидетелей на тех же условиях, какие существуют для свидетелей, показывающих против него» [9, с. 58].

* В переводе с греческого слово «аноним» означает «безымянный» [15, с. 50].

Европейская конвенция о защите прав и основных свобод (принята 4 ноября 1950 г.) в п. «d» ст. 6 буквально воспроизводит текст п. «е» ч. 2 ст. 14 Международного пакта [9, с. 541].

Представляется, что толковать данные определения нельзя в отрыве от других норм этих актов. В частности, в ч. 2 ст. 29 Всеобщей декларации прав человека установлено, что «при осуществлении своих прав и свобод каждый человек должен подвергаться только таким ограничениям, какие установлены законом исключительно с целью обеспечения должного признания и уважения прав и свобод других и удовлетворения справедливых требований морали, общественного порядка и общего благосостояния в демократическом обществе»; в ст. 30 прямо указывается: «Ничто в настоящей Декларации не может быть истолковано как предоставление какому-либо государству, группе лиц или отдельным лицам права заниматься какой-либо деятельностью или совершать действия, направленные к уничтожению прав и свобод, изложенных в настоящей Декларации». В ч. 1 ст. 5 Международного пакта предусмотрено: «Ничто в настоящем Пакте не может толковаться как означающее, что какое-либо государство, группа лиц или какое-либо лицо имеет право заниматься какой бы то ни было деятельностью или совершать какие бы то ни было действия, направленные на уничтожение любых прав и свобод, признанных в настоящем Пакте, или ограничение их в большей мере, чем предусматривается в настоящем Пакте». Исходя из этого, государство, защищая права обвиняемых, не должно допускать нарушения прав других лиц.

Следует, заметить, что Европейский Суд по правам человека (далее – ЕСПЧ) исходит из того, что использование таких показаний «анонимных» свидетелей в качестве доказательств, достаточных для обоснования обвинительного приговора, вызывает определенные проблемы. ЕСПЧ допускает допросы «анонимных» свидетелей при соблюдении ряда условий. В частности, эти условия были определены им в Решении от 23 апреля 1997 г. по делу «Ван Мехелен и другие против Нидерландов».

Обстоятельства данного дела состояли в следующем: офицеры полиции, являвшиеся анонимными свидетелями по делу о Ван Мехелене, допрашивались следователем в отдельной комнате, куда обвиняемые и их защитники не имели доступа. Все общение шло по

звуковому проводу. Защита, таким образом, не знала не только личность свидетелей, но и была лишена возможности следить за их поведением, как это было бы при прямом допросе, а значит, и проверить надежность этих показаний. В этом случае ЕСПЧ счел, что нет удовлетворительного объяснения тому, «почему потребовалось прибегать к таким крайним ограничениям права обвиняемого на то, чтобы показания против него давались в их присутствии, и почему не были использованы иные, не столь далеко идущие меры» (п. 60 Решения).

Далее ЕСПЧ указал на то, что такие меры, как допрос свидетеля лишь следователем, который сам удостоверяется в личности свидетеля, достоверности и надежности сообщаемых им сведений, а также причинах сохранения анонимности, «не могут считаться достаточным основанием для лишения защиты возможности задавать вопросы свидетелям в своем присутствии и иметь собственное суждение об их поведении» (п. 62 Решения).

С позиции ЕСПЧ, если необходимо применение мер безопасности в целях защиты жизни и здоровья свидетелей, то желательно, чтобы применялся такой порядок допроса, который позволял бы минимизировать ограничение прав стороны защиты (например, чтобы сторона защиты имела возможность непосредственно задавать вопросы свидетелю и заслушивать его ответы, возможно использование порядка, когда свидетель допрашивается в отсутствие обвиняемого, но в присутствии его защитника).

Затем ЕСПЧ отметил: «Если сохраняется анонимность свидетеля обвинения, защита сталкивается с такими трудностями, которых при рассмотрении уголовных дел обычно быть не должно. Соответственно, в таких случаях статья 6 п. 1 и п. 3 (d) Конвенции требует, чтобы эти трудности в достаточной мере уравнивались судебной процедурой» (п. 55 Решения).

Достаточной судебной процедурой, уравнивающей анонимность допроса свидетеля, по мнению ЕСПЧ, является его заслушивание в присутствии не только обвинителя, но и защитника-адвоката, который имеет возможность наблюдать и оценить поведение свидетеля во время допроса [5, с. 440–445].

В Решении по делу «Люди против Швейцарии» от 15 июня 1992 г. ЕСПЧ исходил из того, что для использования показаний свидетелей в качестве доказательств не обяза-

тельно, чтобы они были даны только во время открытого слушания в суде. Они могут быть получены и в досудебном производстве, но при соблюдении прав защиты, т. е. при условии, чтобы обвиняемый имел достаточные возможности оспорить показания и опросить свидетеля, дающего против него показания, а интересы защиты должны быть соизмеримы с интересами тех свидетелей или жертв, которых вызвали в суд для дачи показаний.

С точки зрения ЕСПЧ, все доказательства должны быть представлены в ходе открытого слушания в присутствии обвиняемого с тем, чтобы обеспечить состязательность, а имеющиеся исключения из этого правила не должны ущемлять право на защиту, а обвиняемому должна быть предоставлена адекватная возможность оспаривать утверждения и допрашивать свидетельствующих против него лиц (п. 49 Решения) [5, с. 443].

В Решении по делу «Доорсон против Нидерландов» от 26 марта 1996 г. ЕСПЧ определил, что «принципы справедливого суда требуют того, чтобы в соответствующих случаях существовал баланс между интересами защиты и интересами свидетелей или жертв, вызванных для дачи показаний», поэтому «обвинительный приговор не должен основываться единственно или в решающей степени на анонимных утверждениях» (пп. 69, 70 Решения) [5, с. 443–444].

В Решении по делу «Костовски против Нидерландов» от 20 ноября 1989 г. ЕСПЧ отмечено: «...в том случае, если защите неизвестна личность свидетеля, которого она стремится допросить, это может лишить ее очень важных деталей, позволяющих ей продемонстрировать, что данный свидетель предвзято или враждебно настроен и не вызывает доверия. Показания или другие заявления, изобличающие обвиняемого, могут быть намеренно лживы или просто ошибочны, и защита едва ли будет в состоянии выявить это по причине отсутствия информации, позволяющей ей

испытать надежность свидетеля или подвергнуть сомнению его правдивость. Опасности, заложенные в этой ситуации, представляются очевидными» [4, с. 120–121].

В деле «Саиди против Франции» заявитель был обвинен в торговле наркотиками на основании показаний, полученных в ходе опознания обвиняемого, от трех анонимных свидетелей. ЕСПЧ в Решении от 20 сентября 1993 г. по данному делу пришел к выводу: «Суд в полной мере сознает бесспорные трудности борьбы с торговлей наркотиками – в особенности, что касается получения и представления доказательств – и тот вред, который наркотики наносят обществу, но указанные соображения не могут оправдать ограничения до такой степени права на защиту любого обвиняемого в уголовном преступлении» [4, с. 120].

Итак, ЕСПЧ в своей практике исходит, прежде всего, из того, что 1) все доказательства должны быть представлены в ходе публичного слушания в присутствии обвиняемого с тем, чтобы обеспечить состязательность, а имеющиеся из этого принципа исключения не должны ущемлять право обвиняемого на защиту; 2) обвиняемому должна быть предоставлена адекватная возможность оспаривать утверждения и допрашивать свидетельствующих против него лиц либо когда они дают показания в суде, либо на более поздней стадии; 3) использование показаний анонимных свидетелей для обоснования обвинительного приговора ни при каких обстоятельствах недопустимо; 4) обвинительный приговор не должен основываться единственно или в решающей степени на анонимных утверждениях; 5) если же сохраняется анонимность свидетелей обвинения, то в этих случаях требуется, чтобы трудности защиты в достаточной мере уравнивались судебной процедурой, обеспечивающей обвиняемому право на защиту и справедливое судебное разбирательство. Этими положениями должна руководствоваться и российская судебная практика.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Брусницын Л.В. Правовое обеспечение безопасности лиц, содействующих уголовному правосудию: временной и субъективный аспекты // Государство и право. – 1996. – № 9. – С. 81
2. Брусницын Л.В. Проблемы правового обеспечения безопасности лиц, содействующих уголовному правосудию. – Иркутск, 2002. – С. 5.
3. Брусницын Л.В. Псевдонимы в уголовном процессе // Законность. – 2005. – № 1.
4. Европейская конвенция о защите прав и свобод. Статья 6. Право на справедливое судебное разбирательство: Прецеденты и комментарии. – М., 2001. – С. 120–121.
5. Европейский Суд по правам человека. Избранные решения : в 2 т. – Т. 2. – М., 2000. – С. 440–445.
6. Зинкин В. Проблемы объективизации и безопасности в уголовном судопроизводстве // Уголовное право. – 2005. – № 3. – С. 81.

7. Кудрявцев В.Н. На пути к правовому государству // Правда. – 1990. – 11 янв.
8. Ларин А.М. О принципах уголовного процесса и гарантиях прав личности в проекте УПК // Российская юстиция. – 1997. – № 10. – С. 10.
9. Международные акты о правах человека : сб. док. – М., 1999. – С. 40-41; 58; 165-167; 541.
10. Минеева Г.П. Уголовно-правовая охрана свидетелей и потерпевших : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 1993.
11. Новиков С.А. Меры защиты допрашиваемого лица // Юридический консультант. – 2010. – № 12. – С. 42.
12. Рогаткин А., Петрухин И. О реформе уголовно-процессуального законодательства // Законность. – 1996. – № 2. – С. 42.
13. Собрание законодательства Российской Федерации. – 2004. – № 34. – Ст. 3534.
14. Собрание законодательства Российской Федерации. – 2004. – № 40. – Ст. 3882.
15. Современный словарь иностранных слов. – СПб., 2004. – С. 50; 500.
16. Тисен А.В. Гарантии безопасности участников уголовного процесса // Уголовный процесс. – 2006. – № 12. – С. 56.
17. Турчин Д.А. Против анонимного правосудия // Социально-экономические и правовые проблемы Восточно-Сибирского региона на пороге третьего тысячелетия: материалы науч.-практ. конф. – Иркутск, 1998.
18. Чанкова Д.И. Проблемы и тенденции в развитии болгарского уголовно-процессуального законодательства // Государство и право. – 2000. – № 10. – С. 100.

REFERENCES

1. Brusnitsyn L.V. *Gosudarstvo i pravo* [State and Law]. 1996, no. 9, pp. 81
2. Brusnitsyn L.V. *Problemy pravovogo obespecheniya bezopasnosti lits, sodejstvuyushchikh ugolovnomu pravosudiyu* [Issues of Legal Support of Safety for Persons that Facilitated Criminal Justice]. Irkutsk, 2002, pp. 5.
3. Brusnitsyn L.V. *Zakonnost'* [Lawfulness]. 2005, no. 1.
4. *Evropejskaya Konventsia o zashchite prav i svobod. Stat'ya 6 Pravo na spravedlivoe sudebnoe razbiratel'stvo: Predisledy i kommentarii* [The European Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms. Article 6. Right to a Fair Trial: Practice and Comments]. Moscow, 2001.
5. *Evropejskij sud po pravam cheloveka. Izbrannye resheniya* [The European Court of Human Rights. Selected Judgments]. Vol. 2. Moscow, 2000.
6. Znikin V. *Ugolovnoe pravo* [Criminal Law]. 2005, no. 3, pp. 81.
7. Kudryavtsev V.N. *Pravda* [Pravda]. Jan. 11, 1990.
8. Larin A.M. *Rossijskaya yustitsiya* [Russian Justice]. 1997, no. 10, pp. 10.
9. *Mezhdunarodnye akty o pravakh cheloveka* [International Human Rights Acts]. Moscow, 1999, pp. 40–41; 58; 165–167; 541.
10. Mineeva G.P. *Ugolovno-pravovaya okhrana svidetelej i poterpevshikh (avtoref. kand. dis.)*. [Criminal Law Protection of Witnesses and Victims (Cand. Dis. Thesis)]. Moscow, 1993.
11. Novikov S.A. *Yuridicheskij konsul'tant* [Legal Consultant]. 2010, no. 12, pp. 42
12. Rogatkin A., Petrukhin I. *Zakonnost'* [Lawfulness]. 1996, no. 2, pp. 42.
13. *Sobranie zakonodatel'stva Rossijskoj Phederatsii* [Collected Legislation of the Russian Federation]. 2004, no. 34. Art. 3534.
14. *Sobranie zakonodatel'stva Rossijskoj Phederatsii* [Collected Legislation of the Russian Federation]. 2004, no. 40. Art. 3882.
15. *Sovremennyy slovar' inostrannykh slov* [Contemporary Dictionary of Foreign Words]. Saint-Petersburg, 2004, pp. 50; 500.
16. Tisen A.V. *Ugolovnyj protsess* [Criminal Process]. 2006, no. 12, pp. 56.
17. Turchin D.A. *Sotsial'no-ekonomicheskie i pravovye problemy Vostochno-Sibirskogo regiona na poroge tret'ego tysyacheletiya* [Social, Economic and Legal Problems of the Eastern Siberian Region on the Threshold of the Third Millenium]. Irkutsk, 1998.
18. Chankova D.I. *Gosudarstvo i pravo* [State and Law]. 2000. № 10. p. 100.

Информация об авторе

Смолькова Ираида Вячеславовна (Иркутск) – доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, заведующая кафедрой уголовного процесса и криминалистики. ФГБОУ ВПО «Байкальский государственный университет экономики и права» (664003, г. Иркутск, ул. Ленина, 11, e-mail: dtn49.irk@mail.ru)

Information about the author

Smolkova, Iraida Vyacheslavovna (Irkutsk) – Doctor of Law, Professor, Honorary Lawyer of the Russian Federation, Head, Chair of Criminal Process and Criminalistics. Baikal National University of Economics and Law (Lenin st., 11, Irkutsk, 664003, e-mail: dtn49.irk@mail.ru)